

По-разному складываются судьбы человеческие. Ныне мы стремимся воздать должное жертвам трагической эпохи. Да, о жизни и смерти этих людей—будь они политическими деятелями или мастерами культуры—необходимо знать всю правду. Однако есть и другой пласт памяти, он столь же ощутимо нуждается в «возвратном движении» (слова А. Блока).

Вряд ли имеем мы право на забвение тех, кто, несмотря на внешне благополучное течение жизни, ушел недопонятым, недооцененным современниками. Есть в таких судьбах не только своя, но и наша драма, нашедшая выражение в народной мудрости: «Что имеем не храним...»

Сегодня Любови Ивановне Добжанской исполнилось бы 80. Вот уже восемь лет этой поразительной актрисы, наделенной талантом щедрым и ослепительным, нет среди нас. Постепенно тускнеют, стираются свежесть и острота восприятия, а юное поколение театралов с трудом припоминает: «А-а, это первая Шура Азарова из «Давным-давно»...»

Как показывает опыт, мы гораздо внимательнее к прошлому, чем к тому, что происходит на наших глазах. Из многочисленных воспоминаний людей старшего поколения вырисовываются легендарная девушка-гусар Шура Азарова и блистательная Катарина («Укрощение строптивой»), Эмилия Марти из чапекова «Средства Макропулоса» и Агнесса Карелина («Мастерица варить кашу» Н. Чернышевского). А ведь подлинный расцвет многогранного таланта Добжанской происходил на нашей памяти — он пришелся на совсем недавнее время 60—70-х годов. Еще доигрывая жажущую любви Фелисиану в «Учителе танцев», она уже явилась тогда в облике мудрой молдавской крестьянки Василицы из «Наса маре» Иона Друца.

Вспоминая такие, казалось бы, недавние работы Добжанской, начинаешь внезапно осознавать всю неповторимость, ярчайшую индивидуальность, которыми она наделяла своих героинь. Они незабываемы, потому что удивительно талантливы от природы. И нежная, пленительная Любовь Андреевна Раневская, сыгранная актрисой поздно, но оттого, быть может, еще пронзительнее, тоньше. И шумная, говорливая Мария Стильяно («Моя семья» Э. Де Филиппо), способная в трудную минуту принять на себя груз забот. И мудрейшая те-

...Бытия возвратное движение

тушка Руда из «Птиц нашей молодости» И. Друца... Разве можно забыть сцену, когда она брала в руки скрипку молодого музыканта и начинала медленный, чистый, словно звук струны, рассказ о своей юности, о том, как любовь и музыка навсегда слились и живут в душе молдавской крестьянки, щедро одаренной талантом понимания, милосердия...

Думая о том, сколько же всего уместилось в эти два десятилетия работы Добжанской на сцене Центрального академического театра Советской Армии и — реже — на сценах других театров, особенно остро начинаешь чувствовать то, что принято называть поздним расканием. Ведь по сей день не осмыслены, не оценены по-настоящему такие вершинные достижения актрисы, как Мария Васильевна Войничкая («Дядя Ваня»), Толгонай из айтмаговского «Материнского поля», мать Билли Пилигрима в спектакле «Бойня № 5» по роману К. Воннегута.

...Прямая, стройная, строго непроницаемая, Мария Васильевна Войничкая появлялась в комнатах усадьбы, словно заковавшись в панцирь затверженных когда-то истин. Мария Васильевна, как сыграла ее Добжанская, обладала не только некоей сверхзоркостью, позволяющей одним взглядом увидеть и смятенность сына, и безответную любовь внуки, и все это внутреннее неблагополучие, царящее в доме. Тем же взглядом она словно и отметала от себя всю суету, предпочитая книжно-научный мир. Однако внешний ее покой был неустойчив и зыбок — по первому же тревожному сигналу эта Мария Васильевна «выходила» из своего панциря, делая шаг к тому, кто в жесте понимания нуждался, — к сыну, Ивану Петровичу, к мужу покойной дочери, профессору Серебрякову.

Роль, слышком часто трактуемая как «проходная», была сыграна Добжанской в откровенно драматическом ключе. Любовь Ивановна вложила в эту роль не только ощущение ник-

чемности старости, но и величие, достоинство, мудрость прожитых лет, позволяющие Марии Васильевне жить своей обособленной жизнью до тех пор, пока ее участие в событиях не станет необходимым. И веру, твердую веру в то, что рано или поздно Серебряков, сын, внучка поймут, насколько важна для них эта незыблемая духовная опора...

И в этой женщине, немногословной, фанатично приверженной научным брошюрам и книгам, Добжанская сумела убедительно отстоять черты таланта — редкого и высокого таланта человеческого достоинства, уважения к чужому, пусть, на ее взгляд, и неверному, образу мысли и чувства. Всем своим поведением, самим своим обликом Добжанская — Войничкая безмолвно спорила со словами Елены Андреевны о том, что «неблагополучно в этом доме» — ведь пока существует эта великая духовная опора, будет жить и надежда, выраженная в финальном монологе Сони.

А еще была блистательные киноработы — не главные роли, персонажи, как принято говорить, «второго ряда». И, как правило, они удастаивались не серьезного анализа, а почти обезличенных похвал большой актрисе, снявшейся в небольшой роли. Наверное, все хорошо помнят маму Юрия Деточкина в фильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля» — женщину с восторженным взглядом и комсомольским энтузиазмом 20-х годов, пронесенными через всю жизнь. Об этой работе Любови Ивановны Добжанской написано пусть не очень много, но справедливо. Но вот следующей ее маме — Жени Лукашина из рязановского фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» — повезло куда меньше, хотя, думается, эта роль заслуживала разговора самого серьезного.

Мать взрослого сына, никак не умеющего наладить свою личную жизнь, она отнюдь не в восторге от его избранницы, но ничем не мешая Жене, наоборот, готова мчаться к бывшей невесте, объяснять, каким это ветром за-

несло ее непутевого сына в новогоднюю ночь в Ленинград. И новую кандидатку в невестки, Надю, встречает мать-Добжанская настороженно, скрывая за фразой «Поживем — увидим...» и тревогу, и надежду. Собственно, в двух эпизодах фильма — весь рисунок роли. Но нужен был талант Добжанской — и режиссер оказался на редкость прозорлив, — чтобы благодаря «проходным» эпизодам мы начали глубже, точнее понимать характер героя через характер его матери: здесь скрыта та же огромная нравственная опора, внешнее невмешательство при молчаливой готовности в любую секунду прийти на помощь, что и у Марии Васильевны Войничкой, и у тетушки Руды, и у Толгонай — при всей несопоставимости духовного и жизненного опыта, судеб, образа жизни, да и времени в конце концов.

Э. Рязанов писал о поразительной естественности Добжанской перед камерой, о ее удивительной простоте, органичности жизни в кадре. Может быть, это случилось потому, что мать Юрия Деточкина по странной иронии судьбы стала первой работой актрисы в кино, и на экран Любовь Ивановна принесла то, что было для нее всего дороже в театре?

«Что самое дорогое в театре для меня, актрисы? — писала Добжанская. — Возможность сказать со сцены сокровенное. Передать другим что-то для меня очень важное. В каждой роли я ищу такую возможность. Я бы сказала так: надо иметь нечто очень большое в душе и иметь смелость запереть это большое внутри, запереть и не показывать. Зритель все равно все почувствует и поймет — не надо ему ничего показывать».

Внешняя замкнутость и интенсивная, глубокая внутренняя жизнь — как непросто разглядеть это в человеке, который предпочитает никому не навязывать своих размышлений и впечатлений. Лишь немногие режиссеры сумели оценить масштаб личности и дарования Добжанской. Одним из первых здесь надо назвать

А. Д. Попова, за ним — Бориса Львова-Анохина: в его спектаклях Любовь Ивановна раскрылась для зрителя какими-то совершенно новыми чертами таланта. А кто еще? Михаил Буткевич, Леонид Хейфец, Алексей Баталов, Эльдар Рязанов — вот, пожалуй, и все...

Добжанская не была обделена зрительской любовью, да в общем и критическим вниманием. Но вот прошли годы, десятилетия, и все отчетливее видится, насколько мало использовалось то, что было ей дано от природы. А многое из сделанного ею не сохранилось для следующих поколений — чья вина в том, что не были засняты хотя бы фрагментами «Вишневый сад», «Моя семья», «Материнское поле», «Наса маре», «Влюбленный лев», «Птицы нашей молодости»?

...Судьба преподнесла мне редкий дар: на протяжении двух лет я могла видеть, как работает и живет в театре Любовь Ивановна Добжанская. Человек не очень общительный, она никогда не держала «под замком» сокровища своего опыта, щедро делилась с молодыми, с готовностью приходя на помощь всем, кто нуждался в участии, совете. Влюбленная в актрису еще до первой встречи, очарованная ее ровным, уважительным обращением не только с коллегами, но со всеми работниками театра без исключения, ее всегдашней собранностью, делкатностью, я оказалась тем не менее столь же «ленивой и нелюбопытной», сколь мои сверстники да и люди старшего поколения: как мало запомнилось, как мало сохранилось...

Но остался ярчайший эпизод, спустя долгие годы вернувшийся подлинным осмыслением масштаба личности актрисы. ...В тот день все приглашались смотреть макет будущего спектакля «Любовь Яровая». Удивило, что не пришел режиссер — никто из собравшихся еще не знал о решенной судьбе и спектакля, и его постановщика Л. Хейфеца. Узнали немного позже, перед самым собранием, повестка дня которого вполне безобидно

гласила: «О подготовке к выборам». Но обернулось это собрание, как и должно было быть, попыткой одних заклеить впавшего в немилость режиссера, не опоздать в кампании травли и попыткой других что-то доказать, что-то изменить. Победили первые, иначе не могло и быть. Такова, если вспомнить слова одного из персонажей «Бойни № 5», была «структура момента».

Мудрый, тонкий человек, Любовь Ивановна Добжанская не могла этого не понимать: она все знала еще тогда, когда мы толпились у макета. Знала, но пришла. И была со всеми, словно ничего не произошло, словно спектаклю суждена была долгая жизнь, как и предыдущим постановкам Л. Хейфеца — ярким, талантливым, умным. И ни с кем не поделилась горькой новостью и предчувствием того, как будет разворачиваться события.

Никогда уже я не смогу узнать, отчего же она все-таки пришла смотреть тот макет закрытого по сути спектакля. Привычка к железной дисциплине или такое свойственное ей и ее героиням желание быть рядом, вместе со всеми в очень тяжелую минуту? О причинах могу только догадываться. Но запомню навсегда: необходимо было «иметь нечто очень большое в душе — и иметь смелость запереть это большое внутри, запереть и не показывать». И тогда черта личности переплавляется в высочайший дар Мастера...

Мы часто сетуем на то, что подлинные личности художников театра остались лишь в легендах. Но, может быть, дело не в измелчавших талантах человеческих и сценических, а нередко в нашем поистине преступном равнодушии, невнимании к тем, кто живет рядом?

Судьба Любови Ивановны Добжанской, актрисы выдающегося таланта, личности огромного масштаба, достаточно яркий и горький тому пример...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.